№ 4 (43). Второй год изданія. Цѣна 25 к. в провинціи 30 к.

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Николаевская ул., д. 26.
Телефон 40—01.
Секретарь и казначей редакціи принимает ежедневно, кромѣ воскресеній, в помѣщеніи редакціи с 5—7 ч. вечера.
Контора редакціи открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИК

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП.

Условія подписки.
на 1 мѣсяц . . . . . 9 р. — к.
на 2 „ . . . . . 9 „ 50 „
Перемѣна адреса 40 к.
Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника“, Николаевская 26 и во всѣх группах федераціи.
Подписка принимается на ежедневную газету только с 1-го числа.

Среда, 10 Января. ЕЖЕДНЕВНО. 1918 год.

Мы, анархисты, всегда протестовали против смертной казни...

Поэтому мы протестуем и против убійства наших враговъ—кадетов Шингарева и Кокошкина.

Свобода не терпит ни тюрем, ни казней... Свобода не терпит палачей.

„Буревѣстнику“.

Товарищи! читайте „Буревѣстник“:
Он к счастью, к равенству зовет,—
Для угнетенных он—свободы вѣстник
И обездоленный—призыв его поймет.

Пришла пора за дѣло взяться!
Оковы сбросить и—вперед!
Теперь вам нечего бояться,—
Свободным должен быть народ!

Нам „учредилку“ предлагают,
Но мы не вѣрим в этот бред,—
Пусть обездоленные знают,
Что это—смерти силуэт.

Нам „учредиловки“ не надо,
Нам ничего она не даст;
Мы сбросим всякія преграды
И сбросим всякую мы власть!

Товарищи! читайте „Буревѣстник“.
Он к счастью, к равенству зовет,—
Для угнетенных он—свободы вѣстник
И обездоленный—призыв его поймет.

Н. Теруков

К товарищам!

Доказывать, что данный момент революціи самый подходящій для нас, анархистов, в смыслѣ самого широкаго развитія практической революціонной дѣятельности, нечего. Точно так же нечего много говорить о том, что мы, анархисты, немедленно же должны приняться за работу. Организація, агитація, пропаганда—вот задачи дня. Они во что бы то ни стало должны быть разрѣшены сегодня же. Завтра будет разрѣшать их труднѣе, а дальше может оказаться поздно. Всякому из нас извѣстно, что в области практической работы мы можем похвалиться немногим. Тѣм болѣе, всякій должен чувствовать необходимость восполнить всѣ недочеты и из анархиста на словах превратиться в активнаго анархиста-революціонера на дѣлѣ. Одним словом—нужны средства и люди. Но будут люди, найдутся и средства. Весь вопрос в том, дѣйствительно ли среди анархистов есть активные работники - революціонеры? Да, таковые работники есть и вот к ним то обращаюсь не с воззваніем, а с простым практическим предложеніем. Товарищи, нам нужно сговориться по многим тактическим вопросам нашей революціонной дѣятельности—для этого необходимо собраться. Предлагаю всѣм желающим принять то или иное участіе на различных поприщах революціонной работы и борьбы, прійти на товарищеское собраніе в 7 час. вечера, 11 января (четверг) в помѣщеніи редакціи „Буревѣстника“, Николаевская ул. д. 26. Думаю, что на этом собраніи, сообща, мы сможем многіе вопросы в области агитаціи, организаціи и т. д. разрѣшить.

Ф.

9 января.

Есть числа и дни, священные для русских рабочих-революціонеров. К таким дням—дням воспоминанія борьбы, печали по павшим борцам, увѣренности и надежды на побѣду относится и 9 января. 9 января 1905 г. — разстрѣл рабочих, безоружных рабочих, не выдержавших голода, нужды и безправія и вышедших искать „правды“. Нашли... Оставшіеся в живых опять в рабствѣ и нуждѣ на фабриках и заводах, а убитые... убитые до сих пор ищут ее... на небѣ. 9 января — день просвѣтлѣнія рабочих—разстрѣл открыл глаза. Он научил, что только в борьбѣ спасеніе, в неустанной борьбѣ и разрушеніи. С той поры рабочіе каждый год празднуют этот день.

При царском режимѣ это был день мести, день борьбы. Рабочіе с надеждой выступали на улицу, не взирая на то, что сила была не на их сторонѣ.

Но каждый год силы наши увеличивались... и год тому назад, в февралѣ, мы выступили... и сила оказалась на нашей сторонѣ.

Мы побѣдили... но 9 января не потеряло своего смысла... не изгладились из памяти ужасы прошлаго... Мы побѣдили... но побѣда не закрѣплена. И сегодня, празднуя 9 января, мы вновь воскрешаем в памяти недавнее прошлое...

Тѣни погибших борцов пред нами. Они спрашивают нас,—все ли сдѣлано, недаром ли пролита кровь в прошлом? Счастлив ли побѣдитель-рабочій, сыт, одѣт-ли он, в свободѣ ли живет? А угнетатели обезврежены ли?

И вот, в отвѣтѣ на эти вопросы—смысл сегодняшняго дня, священнаго дня—9 января. Отвѣт один: нѣт, еще многое не достигнуто... но мы достигнем полной побѣды. Порукой в этом вы, погибшіе, порукой—9 января 1905 года. И лучшим празднеством 9 января будет, если мы, в годовщину революціонной борьбы докажем, что мы не устали в борьбѣ. Этот день, пусть будет днем захвата домов, фабрик, заводов. Устраивайте же собранія и от слов переходите к дѣлу—это лучшая память по погибшим борцам!

Никодим Фамулевич.

Опыт соціальной юмористики.

Компромисс—пріятная вещь для тѣх, кто привык играть в политику, но враг же он для тѣх, кто [illegible] самыя [illegible] его необходимость, ходом самой исторіи, положительно исключается.

Мы говорили:

— Долой Учред. Собраніе!

А нам вторили:

— Да здравствует Учред. Собраніе!

Вторили всѣ: купцы, мародеры, помѣщики, попы, банкиры, маклера, фармацевты, ювелиры, подрядчики, чиновники, юнкера, офицеры и всѣ тѣ соціалисты, всѣх мастей и рангов, кои очутились в рядах прислужников угнетателей и вампиров.

Опьяненная жаждой власти, шайка врагов народа ждала пятаго января, как древніе іудеи дня исхода. Мором, язвами, кровью и силою „огня и желѣза“ они мечтали покончить с развивающейся соціальной революціей. Вспять повернуть колесо исторіи, остановить движеніе картечью и пулеметами, залить революціонный Петроград кровью, а слѣдом создать Вандею.

О том, насколько важна была для врагов народа дата пятаго января, видно из того, что на агитацію, рекламу и пропаганду идеи Учред. Собранія были ассигнованы милліоны золота. Заборы, стѣны, мостовые сплошь были заклеены плакатами и афишами. Бумаги нѣт, бумага дорога, а рабочіе руки еще болѣе дороги, но это не останавливало врагов народа: деньги всемогущи, а потому да здравствуют деньги! Помимо плакатов и моря бумажных словоизверженій, враги народа подняли муть на фабриках и заводах, а так-же среди солдат и матросов.

Наемные ораторы, наемные пропагандисты, ученые агитаторы, стремясь к теплу и уюту, с деньгами банкиров — разъѣзжали по фабрикам и заводам, воинским частям и расхваливали Учред. Собраніе.

И там, гдѣ масса еще пребывает в невѣдѣніи относительно совершившихся событій, гдѣ масса еще темна и неосвѣдомлена об истинных интересах неимущих — выражала свое сочувствіе длинноязычным краснобаям и готова, как будто, была идти за своими врагами.

В этом сдвигѣ вправо сама масса неповинна. Виновны тѣ, кто занимался все время соціальными опытами в области юмористики.

Большевики, как господствующая партія, не должны были заниматься юмористикою и тѣм самым вводить в заблужденіе массы.

Вѣдь большевики, а никто другой, учредили Комиссаріат по выборам в Учред. Собраніе, они ассигновали 150.000 р. на содержаніе канцеляріи Учред. Собранія. Они же открыли Учред. Собраніе.

Спрашивается: для чего же нужно было тратить время, деньги и силы? Неужели большевикам не было извѣстно, что Учред. Собраніе—это петля, которую хотят накинуть на шею крестьян, рабочих, солдат и матросов?

Будучи от природы непослѣдовательными, большевики и в дѣлѣ созыва Учредилки оказались таковыми. Рѣшив открыть, они одновременно не крикнули:

— Да здравствует Коммунистическая Рабочая революція!

Еще за день до открытія они боялись бросить этот лозунг в массы, т. к. не были, видимо, увѣрены в своих силах, а в день созыва они рѣшились на это, ибо экспериментальный метод — отличительная особенность большевиков.

Но эксперименты в переживаемую эпоху неумѣстны. Сейчас нужна рѣшимость. Или все или ничего. Иначе масса отвернется и оставит за бортом революціи экспериментаторов. Вожди всегда должны быть болѣе рѣшительными, чѣм массы. Революціонная рѣшимость вождя—залог успѣха революціи и ея завоеваній. Всякое же, нерѣшительное дѣйство—гибель революціи. Поэтому мы, анархисты и говорим: довольно соціальной юмористики; пора отбросить ходули политиканства; пора опредѣленно отмежеваться от политики; пора перестать морочить массы, тѣми перспективами, кои буржуазія предначертала в февральскую революцію.

Соціальная революція ширится и углубляется, из центров перебрасывается во всѣ уголки Россіи; еще год—два и народ, объятый идеей самодѣятельности и жаждой творчества, водрузит на всем пространствѣ земли русской, черныя знамена Анархіи и, тѣм самым, раз навсегда покончит с Властью, Государством и Капиталом.

Илья Лѣсной.

„Великих слов—велика сила“.

На вопрос, что покамѣст принесла нам, трудящимся и ограбленным, революція, безошибочно можно отвѣтить только одно: „великій слів, велику силу і більш нічого“. Эти слова, сказанные когда то великим украинским революціонером Тарасом Шевченко, сейчас вполнѣ подходящи, „как“ отвѣт на вопрос: что принесла— революція? Конечно, я преувеличиваю, что она принесла только одни „слова“,—но „слов“—то только [illegible] еще сейчас, что буквально всѣ [illegible] завоеванія революціи в них тонут.

С конца февраля и по сей день говорят, говорят без конца, всюду на митингах, собраніях, в Смольном, да гдѣ только возможно. И все о чем? Да о том же самом: о страданіях рабочих, о спасеніи Россіи, о борьбѣ с капиталистами, о революціи, о свѣтлом будущем, о соціализмѣ и т. д. Некуда дѣться от этого потока слова.

Всюду настигают нас ораторы, о которых давно уже сказано, что они „мѣдь звенящая и кимвал бряцающій“.

И все это безостановочно длится десять мѣсяцев революціонной жизни.

А гдѣ же дѣло? Кто из вождей партіи, кто из „революціонеров“ покажет дѣйствительныя настоящія дѣла?

— Кто похвалится, что осушил слезы страдающих жен, дочерей, невѣст и дѣтей рабочих, крестьян и всѣх трудящихся, замученных на фабриках, заводах или искалѣченных, убитых на войнѣ? кто, вмѣсто проклятій капиталистам, укажет, что он дѣйствительно на дѣлѣ избавил рабочих от голода, от рабскаго труда. Кто может со спокойной совѣстью сказать, что им не только расточались красивые, гнѣвныя слова против нищеты, против, унизительного существованія сотен тысяч наших братьев, но и сдѣлано и что что для уничтоженія этой несправедливости? Гдѣ обезпеченіе рабочаго класса, гдѣ побѣда над капиталом, гдѣ равенство, гдѣ свобода?

— Нѣт ничего. Не измѣнилась „родная картина“.

Всюду прежнее проглядывает и слова... слова без конца. Впрочем есть и новое, — есть революція, есть декреты... но не слова ли тоже и это? Да, и это слова, и это не дѣйствительно. Нельзя декретами установить Равенство, Свободу и Братство, как нельзя такими же декретами людей превратить из буржуев в добрых ангелов.

Но не страшны бы были эти слова, если бы их никто не слушал,—пусть бы говорили, пусть бы тѣшались ими. Если бы это так было, если бы всѣ эти „спасатели“ рабочаго люда были только „непризнанными поэтами“ — бѣда не велика была бы. Но все, вѣдь, и несчастье наше в том, что мы слушаем эти слова, слушаем — страшно сказать — 10 мѣсяцев, [illegible] мѣсяцев, в которые могли бы [illegible] много и много сдѣлать. [illegible] интернаціоналисты, и „единцы“, и еще каких-то толков: эн-эсы, ка-деты и многіе другіе с названіем и без названій; Одним словом, не перечислишь всѣх— [illegible] сіе велико и пространно, [illegible] же годы, их же нѣсть числа“. Да, „нѣсть числа“ всѣм этим новоявленным „друзьям народа.

И изо дня в день, и устно и печатно, говорят, и совѣтуют и грызутся между собой за власть.

Что же мы то, ради которых, якобы, совершается все это,—что мы дѣлаем, как относимся к этому? Слушаем... и нерѣдко попадаемся на удочку, нерѣдко вѣрим и, обманутые, поддерживаем то одних, то других. Вѣдь, признайтесь, товарищи-солдаты и рабочіе, что за 10 мѣсяцев нашей революціи мы уж слыхали всѣх и многіе из нас успѣли побывать и эсерами, и меньшевиками, и большевиками. И не думаю бросить вам за это упрек. Нѣт, я только хочу спросить: думали-ли вы, что кромѣ эсеров, большевиков и вообще всѣх [illegible] „партійных“ [illegible] есть еще одно самое [illegible] дѣйствующее лицо в революціи? Это—ты сам, да, ты, каждый из нас,—ты, крестьянин, ты,—солдат, и ты, вѣчный страдалец в капиталистическом рабствѣ. Вѣдь, это ты и только ты являешься настоящим революціонером. Ты, вѣдь, [illegible] разрушил старое. Вѣдь, для тебя нужна революція. Что же ты [illegible] забыл свою силу, забыл, что у тебя голова на плечах есть? Главное, вѣдь, вся суть-то в тебѣ. Ты же слушаешь [illegible] и часто слѣпо идешь за тѣми, кто кромѣ новых [illegible] ничего не дает тебѣ [illegible] — может быть, понятно, что на первых порах ты не понял своей силы, не разобрался в том, что вокруг [illegible] — но теперь-то пора уж увидѣть, что твое дѣло должно дѣлаться только тобой самим.

Да, рабочіе, солдаты, крестьяне

[illegible] до конца, что только в ваших руках ваше собственное счастье. Поймите, что чем [illegible] говорить и, чем болѣе, слушать вы призваны, а дѣло дѣлать, творить новую жизнь. Вы вѣдь, для чего, зачѣм шли и идете умирать в революціонной борьбѣ? Неужели для того, чтобы дать возможность всяким партійным вождям захватывать власть и успѣшно вести войну со своими же партійными противниками? А гдѣ же ваши-то цѣли, ради которых вы шли на все? Гдѣ побѣда над Капиталом, гдѣ уничтоженіе рабства и нищеты?—Нѣт побѣды и ея не будет, если вы, наконец, не сознаете, что не в политической власти и побѣда, что не в декретах и резолюціях торжество Свободы, а в вашем собственном дѣлѣ.

И это дѣло—немедленный же возврат принадлежащих вам и только вам, трудящіеся, всѣх движимых и недвижимых богатств! Это можете сдѣлать только вы сами. Вот, когда начнете это дѣлать, тогда и начнется настоящая борьба, и когда вернете ограбленныя у вас богатства, тогда и будет побѣда. Начинайте-же сами, не бойтесь, что не справитесь! такое опасеніе напрасно. Вѣдь, здравый смысл есть у вас и чувство справедливости не заглохло. Чего же больше!

Заткните же поплотнѣе уши ваши, дабы не слыхать красивых и льстивых рѣчей партійных ораторов, и начинайте в добрый час сами настоящую соціальную революцію. В ней ваше спасеніе в дѣлѣ уничтоженія всякой Власти, Собственности, Капитала—можно и нужно бороться.

Никодим Фамулевич.

К Анархіи!

Привѣтствую всѣх тѣх, кто стоит и собирается под Черным Знаменем Анархіи, — эмблемою разрушенія и смерти Стараго Міра, — кому идеалы Анархизма не кажутся невозможными, утопичными, а вполнѣ осуществимыми, реальными.

Товарищи! Первый и главный корень существовавших и существующих жизненных ненормальностей тот, что условія жизни сводились к формулѣ:

„Властвуй сам, если не хочешь, чтобы над тобою властвовали". Вслѣдствіе этого через всѣ проявленія [illegible] жизни до нашего „сегодня" шла и идет борьба за власть.

Другой главный корень жизненных ненормальностей это—закон, основная поддержка власти. С первых дней нашего дѣтскаго „яснаго" пониманія нам дѣлали и до сейчас дѣлают прививки такого рода: „этого нельзя"! „Не тронь это, — это не твое!" и т. [illegible] Отношенія этих правил с дѣтства [illegible].

Третій корень жизненных ненормальностей была и есть религія, приказывавшая: „Не дѣлай этого, — это грѣшно!" И вот эти три тормаза — „Этого нельзя!" „Это не твое!" и—„Это грѣшно!" опредѣляли всю жизнь людей. Один богач эксплуатирует труд сотен бѣдняков, которые лишь робко протестуют.

Один сильный угнетает во много раз превосходящих его общею силою бѣдняков, и они примиряются с этим. Вот какія чудеса творил и творит этот яд, которым нас отравляли с дѣтства. Что как не безпросвѣтная тьма, гнет и безконечное насиліе Власти, Закона и Религіи породили в народѣ пословицы, вродѣ:

„С богатым не судись, с сильным не борись, Бога чти и бойся",—„Терпѣніе и труд все перетрут" и массу им подобных пословиц?

Власть, Закон и Религія творили свое дѣло и пожинали непосѣянное ими.

Мы вступили на новый путь, на ту дорогу, которая ведет к уничтоженію позорной для Человѣка власти одного лица над другим, — на дорогу, которая ведет к уничтоженію закрѣпостителя власти человѣка над человѣком,—закона, которая ведет к уничтоженію тѣх суевѣрій религіи, которыя лишат власть ореола, обаянія и силы. Мы вступили на путь Свѣта и Истины, на путь Великаго Разума.

Товарищи! вот программа Анархіи: Свобода, Равенство и Братство! Свобода, Равенство и Братство, не закрѣпленныя пером на бумагѣ, а воплощенныя в жизнь усиліями прозрѣвших и прозрѣвающих людей.

Свѣт Любви и Разума, Истина и Вѣра, довѣріе человѣка к человѣку,—вот основы нашего ученія.

Вначалѣ Новаго Года я привѣтствую вас, товарищи, с Великим Будущим всего Человѣчества,—с Всемірной Анархіей. Да будут нашими руководителями в дальнѣйшей жизни Разум, Любовь к ближнему и Вѣра в Человѣка, довѣріе человѣка к человѣку. Товарищи! Спѣшите под Черныя Знамена Анархіи!

Матрос **Г. Сорочинскій.**
Миноносец „Поражающій".

О представительных учрежденіях.

„Правда" высказывается против Учредительнаго Собранія, если оно не будет „народным", и говорит о возможности „народнаго" Учредительнаго Собранія, против котораго большевики из „Правды" ничего имѣть не будут.

Смѣем увѣрить большевиков, что „народным" [illegible] Учредительное Собраніе быть не может и [illegible] когда не будет. А если, забыв все уроки исторіи и логики, допустить на минуту, что такое Собраніе может быть народным, то спрашивается: к чему оно понадобилось большевикам, у которых, вѣдь, имѣются выборныя властныя учрежденія „Совѣты Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов"?

Не проще ли прямо и рѣзко отмежеваться от той формы буржуазно-интеллигентскаго господства, которой являются всевозможныя выбранныя всеобщим и прямым голосованіем законодательныя, в том числѣ и Учредительныя Собранія?

Против таких Собраній, как вредных для свободы и благосостоянія учрежденій, мы не раз уже говорили и не раз будем возвращаться к этой темѣ, так как, несмотря на все доселѣ сказанное, наш обвинительный акт далеко еще не окончен.

Вся дѣятельность законодательных парламентов в лучшем случаѣ может считаться реформистской, то есть, **улучшающей** существующій порядок. А, так как задача соціалистов сводится **к коренному переустройству** общества, то им нечего дѣлать в этих учрежденіях, если они дѣйствительно соціалисты, а не буржуа, лишь надѣвшіе маску соціализма, как это сдѣлали теперь многіе соціалисты-революціонеры и соціал-демократы.

„Улучшая существующій порядок", нѣмецкіе парламентскіе соціалисты не за страх, а за совѣсть укрѣпляли германскую имперію. За сорок слишком лѣт они ухитрились **дойти до такого позорнаго режима, как личный режим** Вильгельма Дикаго, кровавой оргіи котораго **соціал-демократическіе депутаты Германіи дали свою санкцію... санкцію холопов.** Они не расшатывали императорской, королевской и княжеской власти, и эта власть так окрѣпла, что, не **встрѣтив затрудненій, залила Европу потоками крови.**

Соціал - демократическая, по преимуществу парламентская партія, не подчинила своему вліянію буржуазныя партіи, а, наоборот, эти послѣднія подчинили ее себѣ и заставили служить своим интересам, стряпая реформы. Мы говорим рабочим: „вас обольщают ложными надеждами; всѣ эти реформы—ничто иное, как обман. Кромѣ того, вас хотят заставить выпрашивать их, как милостыню, тогда как вы имѣете право требовать гораздо большаго. Если вы хотите испробовать предлагаемыя вам средства,—это ваше дѣло, но знайте заранѣе, что они нисколько не будут содѣйствовать вашему освобожденію. Поэтому не оставайтесь долго в том заколдованном кругѣ, в который вас хотят вовлечь, и организуйтесь для того, чтобы завладѣть всѣм, на что вы имѣете право". (Ж. Грав).

„Нѣт никого, кто хотя бы [illegible] больше ждал от парламента", — говорил депутат Лондона Джорж Ленсбери.—Палата депутатов это —послѣднее мѣсто в свѣтѣ, куда должен быть послан **честный** человѣк.

Не потому, что в палатѣ находятся только злые люди, но дѣло в том, что сама атмосфера усыпляет там депутатов, так как палата общин существует не для того, чтобы заняться существенными вопросами текущей жизни. Парламент существует не для того, чтобы уничтожить то зло, от котораго страдают рабочіе, но для того, чтобы поддерживать, с возможно меньшими измѣненіями, настоящее положеніе дѣл"...

А. Лэван, вошедшій во французскій парламент в 1876 году и нѣсколько раз переизбиравшійся в него, пишет:—„в теченіи тѣх семнадцати лѣт, которые я провел в парламентѣ, я видѣл, под разными именами, только одно министерство. Это министерство также хорошо могло служить Луи Филиппу или Наполеону Третьему. Его программа заключалась в одном словѣ, в единственном:—„Реакція".

На безплодность парламентской работы указывалось очень давно и чѣм дольше существуют парламенты, тѣм ярче проявляется их неспособность что-либо сдѣлать для рабочаго класса. В парламентах издаются законы, при помощи которых грозящую революціей классовую борьбу стараются превратить в торговлю, а в торговом дѣлѣ буржуазія всегда выигрывает. Парламенты не прочь издать любой закон, не мѣшающій буржуазіи. Но никогда ни один парламент не пробовал издать закон, ограничивающій права буржуазіи, уменьшающій ея силу в классовой борьбѣ, т. е. сдѣлать по отношенію к буржуазіи то, что он так охотно всегда пытается дѣлать когда дѣло идет о рабочих, на которых, при полном одобреніи всѣх парламентов, перѣдко направляются полицейскіе, судьи, палачи, войска...

Парламент,—эта излюбленная форма буржуазнаго господства, это дѣтище буржуазіи,—не может обидѣть послѣднюю, ограничив ея привиллегіи, основанныя на экономическом могуществѣ. Не только больших, но и малых урѣзываній своих „прав" буржуазія, в лицѣ своих властных учрежденій, не допустит.

Оно и понятно. Нѣмецкая пословица говорит:—„собакѣ вовсе не легче, когда у нея станут обрубать хвост постепенно, по частям, вмѣсто того, чтобы обрубить его цѣликом, сразу. И буржуазія не будет содѣйствовать изданію законов, „приближающих общество к соціализму", если бы даже такіе законы и были мыслимы.

„Требовать соціальнаго законодательства от буржуазнаго государства,—пишет А. О. Оливетти,—[illegible] народной [illegible] [illegible] дать заяц бой охраной собак, вручать неприятелю собственное орудіе". Буржуазія никогда не пойдет на уступки, затрагивающія основу ея классовых преимуществ. Наивно думать, будто орудіе, выкованное именно для сохраненія буржуазнаго общества и помогающее ему функціонировать то-есть парламент, мы можем использовать для своей профессіональной цѣли.

Всякая реформистская дѣятельность уж одним тѣм, что она является государственной дѣятельностью, поднимает авторитет Государства, т. е. правителей, усиливает господство одних людей над другими. Реформизм не колеблет основ эксплуатаціи и угнетенія, на которых покоится современное общество. Их колеблет **только непосредственная борьба рабочих**.

Марсин.

Вѣковые обманы.

В исторіи человѣчества мы встрѣчаемся с вѣковыми обманами и самообманами. Люди вѣрят в то, что солнце вертится вокруг земли и вѣрят в это тысячелѣтіями; люди вѣрили в то, что Зевс, потрясая своими перунами, производит гром, что на Олимпѣ живут, хохочут, спорят, ѣдят амброзію и пьют нектар боги, что эти боги правят міром людей... и цѣлые вѣка продолжался такой самообман. Можно привести не мало таких примѣров, но нам приходится отмѣтить только тѣ вѣковые же обманы, которые сковали творческую волю рабочаго класса и на долгое, долгое время закрыли для него вѣрный путь к самоосвобожденію.

Долго вѣрили рабочіе в то, что мір людей управляется богами или богом, что все устроено в этом мірѣ так, как надо, что страдающій на землѣ получит награду на небесах и вѣрили в сдѣланный из этих положеній вывод, что всякій протест против современных порядков, всякая попытка перемѣнить общественный строй являются грѣхами. Долго вѣрили рабочіе в то, что короли, императоры, цари и другіе правители всевозможных названій улучшат их положеніе и ждали соотвѣтствующих поступков от них, но... ничего не дождались. Долго вѣрили рабочіе в то, что их хозяева проникнутся идеей справедливости и улучшат быт работающих на [illegible] них людей, вѣрили даже в то, что интересы хозяев и рабочих, волков и овец, одинаковы, ждали улучшенія своей участи и... ничего не дождались.

Всѣ эти обманы сильно расшатаны. Многіе из них вліяют только на небольшую часть трудящихся. Но остался еще один обман, захватившій в свои сѣти многомиллионных рабочих, [illegible] организаторов, [illegible] будто бы, если человѣчество [illegible] пути прогресса, которые, будто бы, спасут рабочій класс от горькой доли. Вѣра в таких людей—правителей, законодателей, особенно же в правителей—соціалистов, это мрачный вѣковой обман, от котораго должен освободиться рабочій класс для того, чтобы добиться достойных человѣка условій существованія.

Этот обман усердно поддерживается громким хором как лживых органов рабочаго люда, так и [illegible] мнимых благодѣтелей, и от порожденных этим обманом заблужденій не так-то легко отдѣлаться. „Послѣ стольких вѣков, прошедших для дѣла цивилизаціи,—писал серьезный ученый Элизе Реклю,—с чувством стыда мы слышим еще голоса, восхваляющіе „провиденціальных" людей, или „сильныя правительства", как воспитателей народа. Исторія берется уличить во лжи эти рабскія теоріи и доказывает нам, что даже в нѣдрах наиболѣе жестоких деспотій жизнь могла поддерживаться только координированной работой всѣх членов соціальнаго тѣла".

Эти слова, с понятными измѣненіями, всецѣло относятся к господам или прямо восхваляющим или только доказывающим „естественную" необходимость „организаторских" классов в экономической жизни народов.

Удивительный миф об организаторской дѣятельности древних старшин, вождей, патріархов, бывших рабовладѣльцев, крѣпостников и современных предпринимателей как бы внушает такое пониманіе общественных явленій, по которому всѣ эти эксплуататоры являлись слѣдствіем естественнаго развитія общежитія, по которому они не являлись злокачественным наростом на послѣднем.

Слово „естественный" понимается не в том смыслѣ, в котором можно назвать естественною смерть человѣка, получившаго пулю в сердце, а в смыслѣ признанія нормальным, оправдываемым общественной необходимостью, такого строя, в котором господствуют насильники и эксплуататоры. Как будто экономическая необходимость создала этих эксплуататоров, как будто они были когда либо нужны для общежитія!

На самом дѣлѣ дѣятельность всѣх этих насильников и эксплуататоров сводилась только к организаціи насилія, эксплуатаціи и [illegible] тѣх учрежденій, которыя эксплуатацію и насиліе поддерживали.

Не так давно еще, а в значительной степени и в настоящее время, исторія народов подмѣнялась исторіей царей, королей, императоров и пр. и послѣдними,—их законам—приказам, — приписывалась творческая дѣятельность народных масс. Серьезные историки или отказались уже или от-

О національзаціи промышленных предпріятій.

> „Традиціонный соціализм сдѣлался жертвой игры слов. Именно он стал смѣшивать два термина: соціальный и соціалистическій. Он вѣрит, что все, переходящее из частной собственности в коллективную (почты или телеграфы, промышленныя предпріятія государства, транспортныя средства и т. д.) будто бы составляет частичное осуществленіе его идеала. И с легким сердцем принял вещи, указывающія лишь на самое крайнее развитіе государственности". (Г. Лягардель).

Правительство большевиков намѣрено національзировать нѣкоторыя промышленныя предпріятія, вслѣд за ними такую же націонализацію сулят нам и соціалисты—революціонеры, если мы позволим этим господам „княжить и владѣть" нами под маской учредительнаго собранія.

Правда, нам сдается, что с.-эровская націонализація, благодаря тѣм нѣжным чувствам, которыя питают вожаки этой партіи к буржуазіи, будет еще дальше от соціализма, чѣм націонализація большевиков, но в обоих случаях мы будем имѣть дѣло не с соціализмом, а с государственным капитализмом.

Буржуазный капитализм или капитализм государственный, в сущности, одно и тоже и от обоих этих учрежденій надо избавиться пролетаріату. Постараемся указать, что представляет из себя націонализація, которой подмѣняется рабочій соціализм.

Не только в послѣднее время, но давно уже в программах нѣкоторых соціалистических партій мы встрѣчаемся с требованіями націонализировать желѣзныя дороги, горное дѣло, выдѣлку алкоголя, продажу привознаго хлѣба и нѣкоторыя другія отрасли промышленности, торговли и транспорта.

Как это ни странно, но эти партіи считают шагом к соціализму передачу в руки современнаго государства промышленных, торговых или транспортных предпріятій.

Эта, так называемая, націонализація предпріятій сводится, в сущности, к простой перемѣнѣ собственника: капиталист или группа капиталистов замѣняются государством, а так как, по словам профессора А. Дюго, „государство, это — правители" — то „группой правителей"*).

Эти правители собирают с населенія милліарды рублей, тратя их на поддержаніе своей власти, на свои потребности и потребности поддерживающих правительство лиц. Ничтожная доля этих средств возвращается трудящимся, да и то не иначе, как при условіи извлеченія из этой подачки какой либо пользы для правителей.

И вот этому то многоликому эксплуататору дается, под флагом націонализаціи, собственность на нѣкоторыя средства производства и он пользуется этой собственностью, усиливая эксплуатацію уже не фискальным, а таким же, как и предприниматели, способом.

Рабочіе нынѣ націонализированных предпріятій остались тѣми же наемными рабочими, что и раньше. Они ведут дѣло производства, но над ними стоят такіе же властные хозяева, как и в капиталистических предпріятіях. Не все ли" одно — акціонерное общество или государство будет эксплуатировать рабочих. Разница только в том, что с государством, как с монополистом, борьба труднѣе.

„Когда предпринимателем является государство, — говорят Веббы,—тогда самый сильный и самый богатый рабочій союз также мало может настоять на выполненіи своих требованій, как и отдѣльный рабочій".

Имѣется ли существенная разница между хозяином — государством и хозяином—акціонерной компаніей, раз рѣчь идет, например о желѣзных дорогах? „Государство и компанія, это — бѣлый колпак и колпак бѣлый", говорил еще в 1877 году Бюллетень Юрской Федераціи. „Буржуазное государство само по себѣ есть ничто иное, как обширная частная компанія, эксплуатирующая для выгод привиллегированнаго меньшинства общественный капитал и коллективный труд, болѣе или менѣе ловко играя остроумными дружинами, которыя называются національным представительством, всеобщей подачей голосов и прямым законодательством".

Безразлично, демократическим или деспотическим является такое государство. В обоих случаях, оно—классовое государство. Русскіе рабочіе буквально ничего не выиграли от того, что часть желѣзных дорог, выдѣлка и продажа водки находилась в руках государства. Нѣт такой степени „демократизація" классоваго государства, (а, раз не будет классов, не будет и государства), при которой націонализація предпріятій не усиливала бы во вред рабочим власть этого государства. К сожалѣнію, далеко не всѣ рабочіе понимают это и, под вліянием соціал-демократической пропаганды, нѣкоторые рабочіе союзы считают необходимым настаивать на необходимости націонализировать копи и желѣзныя дороги.**) Но Г. Геркнер был прав, говоря, что „переход желѣзных дорог в казну может быть цѣлесообразен в интересах фискальных (в интересах собиранія налогов) и соціально-политических. Но чтобы этот переход был необходимым для улучшенія положенія желѣзнодорожных рабочих, этого нельзя доказать". „Простое обращеніе угольнаго производства, без превращенія рабочих в чиновников,—продолжает автор,—не представляет, как это доказывается положеніем рабочих в государственных копах Германіи, никаких гарантій для удовлетворительнаго развитія условій труда. Государственныя копи в соціальном отношеніи ничуть не стоят выше частных копей и также не обезпечены от стачек".

Говоря о государственной собственности в наше время, Домела Ньювенгейс спрашивает:—„Но что же это означает, если не вскармливаніе военнаго Молоха? Развѣ хороши результаты фискальной администраціи? Положеніе рабочих государственных желѣзных дорог и копей, развѣ оно так прекрасно, так свободно, что должно желать увеличенія числа государственных рабов во имя классовой борьбы"?

В нѣкоторых случаях государство нѣсколько повышает заработок своих рабочих, но это наблюдается далеко не всегда и это повышеніе ничтожно.

Во всяком случаѣ, оно не смѣет передать своим рабочим весь извлекаемый из предпріятій доход, не смѣет сдѣлать их хозяевами производства ***).

*) [illegible] указывает, что „государство может существовать лишь через посредство своих органов; если его мыслить без них, то остается не государство, [illegible] органов, а юридическое понятіе". А. Д. Дюги пишет:—„если вникнуть в то, что называют органами государства, [illegible], то это означает, что личность государства есть чистѣйшая фикція. Это означает, что в дѣйствительности существуют лишь органы, т. е. люди, которые налагают на других людей свою волю и дѣлают это силою матеріальной принудительности". Государство, это—правители. Государство, [illegible] подобно сильных.

**) Готскій конгресс нѣмецких соціалистов высказался в 70-х годах [illegible] против выкупа германских желѣзных дорог государством, [illegible], что „если государство сдѣлается собственником желѣзных дорог, [illegible] будет пользоваться этим, благопріятствуя интересам классового [illegible] государства; что доходы от желѣзных дорог будут истрачены на непроизводительныя цѣли; что это дало бы правительству еще одно орудіе против народа и доставило бы новый случай спекуляторам обогатиться [illegible] общественного богатства". [illegible].

***) В [illegible] націонализаціи производства [illegible] сводилась [illegible] передачѣ дѣла в руки вольных [illegible] рабочих. Капиталистическое государство не [illegible] [illegible] объединенія [illegible] [illegible] предпринимателями [illegible] рабочих [illegible].

Б честь Учредит. Собранія.

Собираются коршуны хищные,
Рабства подлаго цѣпи плетут,
Изливают восторги излишніе
И побѣдные пѣсни поют.
Над свободой опять издѣваются,
Ядовитой слюною плюют.
Над народом царить собираются,
Цѣпи новыя рабства куют.
Неужели под иго всевластія
Капитала проклятаго слуг
Попадем мы, лишимся мы счастія
И свободу отнимет недруг?
Нѣт, товарищи, други и братія!
Не довѣрим свою мы судьбу
Никому,—не откроем об'ятія,—
А пойдем мы с врагами в борьбу!
Или будем мы люди свободные
И тогда мы все будем имѣть,
Или будем мы снова голодные
И цѣпями безправья греметь.
Так вперед-же, всѣ братья—усталыя,
Собирайтесь в могучую рать,—
Нам сіяют вдали зори алыя,
За свободу зовут умирать!

М. А. Андрюнин.

изливаются от таких наивных воззрѣній, но эту ошибку мы часто наблюдаем у экономистов и соціологов, которые приписывают „организаторам" — правителям и эксплуататорам производственно-творческую дѣятельность рабочих масс.

Не нужны человѣчеству ни эксплуататоры, ни правители-насильники.

Люди должны понять, что они могут с громадной выгодой для себя обойтись без них. Для этого надо проявить только немного больше самодѣятельности, чѣм проявляется в обычное время. Надо самим дѣлать всѣ свои дѣла, не поручая их кому бы то ни было, хотя бы и лицам, называющим себя соціалистами.

К.

9-е Января 1905 года.

„Свобода и лучшая доля не даются, как нищим милостыня, а берутся с боя" (Слова рабочаго Гаврилова, сказанныя в 1905 году).

9 Января 1905 года сотни тысяч петербургских рабочих, их жен, дѣтей и старцев-родителей шли с челобитной к царю Николаю. Они жаловались на свою горькую участь, указывали на разные непорядки и были увѣрены, что царь поможет им.

„Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чѣм продолженіе невыносимых мук",—писали в своей челобитной рабочіе Петербурга и тысячи этих рабочих, тысячи этих людей, над которыми „надругаются", как говорили они, пошли мученический вѣнец на улицах и площадях Петербурга.

Тихо шел народ... Вдруг совершенно неожиданно солдаты направили на народ дула ружей, конница обнажила сабли и шашки, раздалась команда офицеров и прежде, чѣм пораженные неожиданностью рабочіе опомнились, улицы Петербурга обагрились кровью. Конница бросилась топтать и рубить безоружных, пѣхота открыла по ним боевой огонь.

На толпы рабочих, шедшія крестным ходом, около Нарвских ворот помчалась конница, прорвала первые ряды и свернула в сторону. Пѣхота дала залп по безоружной толпѣ, а затѣм открыла по народу бѣглый огонь пачками.

Народ валился от пуль. Были убиты старики, несшіе царскій портрет мальчик, несшій церковный фонарь, пало убитыми нѣсколько десятков, а ранеными болѣе ста рабочих.

Снова напала конница, топча уроненныя хоругви и образа, тѣсня и давя народ... Раздались крики:—„У нас нѣт царя! Есть кровожадный палач!"

На толпы, шедшія с невским отдѣлом „общества петербургских фабрично-заводских рабочих", опять-таки напала конница, нанося удары шашками плашмя и рубя остріями шашек. Народ не отступал... Рабочіе падали на колѣна, раздавались крики:—„пощади" Другіе кричали: „Братоубійцы! Опричники! Креста на вас нѣт!"...

Невою, рабочіе продолжали ворота [illegible] на Неву [illegible] и значительная часть их бросилась в город по льду, чернѣвшему невскими полыньями.

С Васильевскаго острова никто не попал. Когда рабочіе подошли к рѣкѣ, солдаты взяли на прицѣл. Вышедшіе вперед выборные рабочих растегнули свои пальто подставили под выстрѣлы груди. Солдаты дрогнули. Офицер сообразив, что надо дѣлать для того, чтобы угодить царю, послал на рабочих казаков. Тогда рабочіе разобрали оружейный магазин построили небольшія баррикады, заградили путь коннице. За одной из семи баррикад было убито 150 рабочих. Громадныя толпы рабочих Петербургской стороны были встрѣчены тремя залпами, затѣм налетѣла конница, рубя народ и давя лежащих.

Легко раненые ползли, оставляя за собою потоки крови.

Крики страха и отчаянія, залпы, стоны раненых и умирающих гремѣли в воздухѣ.

В одном мѣстѣ, около трех убитых, народ опустился на колѣна и запѣл „со святыми упокой". Конница карьером налетѣла на молящихся и разогнала их. Но они тотчас же вернулись и снова опустились на колѣна...

В воздухѣ гремѣли крики:—„убійцы, кровопійцы, палачи! От японцев бѣжите, а в своих стрѣляете".

„Братоубійцы! Каины! Что храбрый народ! Хорошо с безоружными сражаетесь!"

„Эй, псковичи! Бейте москвичей!"

„Что? заняли позицію?"

Мальчики бѣжали за солдатами, осыпая их насмѣшками, кричали: —„Урра! Побѣдители! Душегубы! Убійцы! Негодяи! От японцев бѣжите, а безоружных бьете!"

В числѣ убитых и раненых количество дѣтей было громадно...

На тяжелую чашу кровавых дѣл бывшаго царя Николая несказанной тяжестью падут разстрѣлянныя, разрубленныя, растоптанныя тѣла бѣдных дѣтей.

Эта кровь бездонной рѣкой отдѣлила его от народа.

Переполнилась мѣра кровавых потѣх Николая II-го. Да припомнятся ему в грядущіе годы убитыя дѣти бѣдных рабочих!

По приказу царя и его правительства, 9-го января было убито 1000, ранено 7000 человѣк. Может быть и больше. Точно число убитых и раненых не могло быть установлено. Убитых прятали, раненых скрывали, спасаясь прес..., которые производились послѣ 9-го января преступным правительством.

В больницах было запрещено показывать всѣ трупы и давать справки о принесенных раненых. Многіе раненые не попали в больницы. Многіе и многіе трупы были запрятаны полицией в больничные сараи и только немногу[...]тым тѣлам отдали туда доступ.

Шедшіе с Выборгской стороны рабочіе были встрѣчены атакой конницы, которая три раза взад и вперед прорѣзала толпы, рубя направо и налѣво и давя падающих.

В других мѣстах тоже стрѣляли в народ, тоже рубили его шашками.

Тѣм не менѣе, до площади перед Зимним Дворцом дошли громадныя толпы рабочих.

Перед дворцом любимый полк Николая II—преображенцы 1905 года. Когда преображенцы опустились на колѣна и взяли на прицѣл, только тогда догадались рабочіе, какой пріем готовит им царь.

Никто из рабочих не тронулся с мѣста, только поблѣднѣли лица и многіе из стоявших в передних рядах стали креститься.

Раздался залп в народ, толпившійся на площади и в саду. „Толпа замерла. Нѣкоторые подумали, что залп—холостой. Но кругом на площади и за рѣшеткой сада валились убитые и раненые".

Залѣзшіе на деревья мальчики посыпались с них, как подстрѣленные воробьи". Часть толпы вдруг скорчилась, согнулась и побѣжала в сторону". Солдаты сдѣлали по командѣ офицеров пол-оборот вправо и дали еще залп; затѣм пол-оборот влѣво и снова—залп.

Потрясенные неожиданностью, об'ятые ужасом, ошеломленные предательством, рабочіе бросились бѣжать, унося с собою убитых и раненых. По бѣжавшим стрѣляли в тыл. В одном направленіи даже дали три залпа, поражая бѣгущих в спины.

Народ бѣжал, прижимался к стѣнам, цѣплялся за карнизы, падал, растаптывался лошадьми и рубился шашками.

Как подкошенная толпа валился народ. Люди корчились в судорогах, кричали от боли, истекали кровью, катались по мостовой в предсмертных муках...

А деспот трепетал от страха в роскошном дворцѣ...

У нѣкоторых убитых были „странныя, удивленныя лица".

Трупы, без всякаго счета, наваливались в вагоны, на сани и телѣги, запихивались в какія то бочки и многіе из них были увезены неизвѣстно куда. Тихо плелись по Петербургу и от застав вереницы лошадей, тащивших за собою сани с изуродованными трупами.

В новоділицкой Обуховской больницы лежало 300 трупов, почему то всѣ раздѣтые: одежда была свернута и положена под головами. Для обыска что ли понадобилось это издѣвательство над мертвыми?

На преображенское кладбище было отвезено 24 вагона трупов, при чем в каждом вагонѣ было от 32 до 62 убитых „мучеников, пролетаріата, святой вольности угодников".

По 200 трупов сразу, тайно ночью, сваливала полиція в братскія могилы несчастных довѣрчивых дѣтей народа.

„Только на Митрофаньевском кладбищѣ погребеніе убитых за Нарвской заставой происходило открыто, при стеченіи десятитысячной рабочей толпы, в присутствіи полиціи и войск... И толпы кричали солдатам:

— „Шапки долой, палачи"! и угрюмые солдаты, в присутствіи своего начальства, покорно исполняли это требованіе толпы".

Рабочіе и теперь нерѣдко заходят на эти могилы.

Вольный.

Долго-ли?

Был іюль мѣсяц. Солнце приближалось к закату. На узкой, как полотно желѣзной дороги, полосѣ, окруженной с обѣих сторон глубокими бороздами, трудился Осип. Он жал рѣденькую и осунувшуюся от жары рожь. С ним была его молодуха Марфа, скучная и унылая. По сосѣдству, неподалеку, трудились еще нѣсколько семей. Подростки, утомившіеся за день, нетерпѣливо посматривали на солнце, ожидая его заката, и, казалось, мысленно ютились около кипящаго самовара. Осип по временам останавливался и тоже, как маленькій, посматривал на солнце. Его дряхлая спина отказывалась ему служить, но он напрягал послѣдніе усилія и продолжал работать.

Бѣдный Осип! Вѣдь он семь лѣт уже не ходил в поле. А теперь, злая судьба заставила его гнуть свою старческую спину. Как он был счастлив, когда его сыновья работали в полѣ, а он управлял хозяйством по дому. Но эта счастливая семейная жизнь продолжалась недолго. Осип проводил сыновей защищать Отечество... Вѣрнѣе, их отняли у него и заставили бить врага... И теперь он, вот уже три года, с горем пополам влачит свое жалкое существованіе. К чему этот кошмар? К чему издѣвательства и мученія над дряхлым стариком? Осип не знает. Он только знает что волостной старшина прислал повѣстку и... приказал его сыновьям идти на войну.

„Поди, Марфа, довольно уж, вскипяти самоварчик, попьем чайку,—промолвил он изнеможенным голосом проговорил Осип. Молодуха, перекрестив рукой оставшийся несжатый конец полосы, пошла домой. Остался один Осип. Работа не спорилась. Пальцы не зажимали срѣзанных колосьев и они валились на землю. Сунувшись на колѣнки, он собирал их и клал в сноп. Затянув сноп, сгорбившись направился он домой. От перенапряженія и утомленія голова и руки тряслись.

Ужасно и прискорбно было смотрѣть на этого человѣка... Долго ли будет продолжаться это сверх' естественное издѣвательство над стариками?

Проклятіе вам, тунеядцы-вампиры, отнявшіе у них сыновей!

Свой.

Свободны-ли мы?

28 февраля 1917 г. в Россіи совершилась Революція, т. е. возставший народ сбросил с плеч своих власть царя Николая... Тѣм временем „государственная дума", пользуясь выгодным для нея моментом, взяла власть в свои руки,—т. е. совершила над трудовым народом второе насиліе.

... Отмѣнив смертную казнь,—не для народа, а для господ бывших министров, Протопоповых, Штюрмеров и других, чтобы замять „дѣла" этих явных преступников, „соціалисты", захватившіе власть, снова ввели эту позорную юридическую норму — смертную казнь, но на этот раз **для тебя, возставшій революціонный народ.**

Ты, который пролил рѣки крови на бойнях во имя их интересов! Ты, на чьей спинѣ сидят и кѣм кормятся всѣ эти негодяи и паразиты!

Тебя оплевали.

Оплевали Свободу твою, опоганили твое святое—святых, бѣдный труженик земли Русской!..

Это низко и безчеловѣчно, но это обычное явленіе, раз существует власть, ибо **нѣт и не было такой власти, которая существовала-бы для блага народа.**

Всякая власть, чья бы она ни была, есть насиліе над человѣческой личностью,—насиліе грубое, ничѣм не оправдываемое.

Как же это так, товарищи?

Неужели должно так быть?! Нѣт, не должно, но всегда будет, пока есть—Власть!

Ибо, Власть—чья бы она ни была, всегда порождает насиліе...

Так не дадим же никому обмануть себя, товарищи!...

Вперед за Анархію!

Анархія несет с собой великое счастье, великое освобожденіе всѣх трудящихся...

Труженик фабрики Берг в Твери.

Константин Безпріютный.

Проснитесь!

Товарищи! Пора проснуться.

Мы, не дѣлаем того, что нужно. Мы построившіе дома сами, живем, в подвалах.

Достаточно мы терпѣли—холод, голод. До октябрьскаго переворота наши большевики все обѣщали, чуть ли не звѣзды с небес, а как

„Оно боится недовольства класса капиталистов. Эти послѣдніе увидѣли бы в значительном повышеніи заработка дурной примѣр для своих рабочих.

Но небольшое повышеніе заработка для рабочих государства выгодно, как правителям, так и предпринимателям. Рабочій класс как бы дифференцируется (раздѣляется). Появляется как бы привилегированная группа рабочих. Государство старается подчеркнуть привилегированность этой группы: иногда наряжает своих рабочих в мундиры (напр., почтальонов), иногда дает им пенсіи (правда, до смѣшного ничтожныя). Но за это оно воспрещает им участвовать в стачечном движеніи, лишает забастовщиков пенсій, прогоняя их со службы. Нерѣдко оно ограничивает свободу союзов и собраній этих рабочих, а иногда и прямо лишает послѣдних этих свобод.

Своими пенсіями государство удерживает рабочих от солидарных выступленій с другими рабочими, как, напр., боясь потерять пенсіи, государственные рабочіе Швеціи не присоединились к всеобщей забастовкѣ 1909 года и, говоря словами Альфреда Нильсена,—редактора выходящей в Копенгагенѣ газеты „Синдикалист",—„предали" эту стачку.

На то, что пенсія государственным рабочим порождают в их рядах холопство, на это не раз уже указывалось. Так, например, пожилые желѣзнодорожные рабочіе Италіи отказались бастовать, ссылаясь на то, что они потеряют, приняв участіе в стачкѣ, пенсію.

Надо помнить, что государство является единственным предпринимателем національной промышленности. Забастовщик, рабочій-революціонер, прогнанный с мѣста, попадает в этом случаѣ в безвыходное положеніе. Он не может уже найти работу по своей спеціальности. Отказ от работы для него такая катастрофа, о которой и понятія не имѣют рабочіе, нанимающіеся к предпринимателю-немонополисту.

Государству выгодно создать в нѣкоторых важнѣйших отраслях промышленности кадры болѣе спокойных рабочих, и не отсутствіе доброй воли правителей виновно в том, что такая задача не вполнѣ осуществима.

Конечно, правительству, в концѣ-концов, не удастся раз'единить рабочих. С одной стороны даже малосознательный рабочій тяготѣет все таки к своему классу, а с другой—государственное хозяйство не может похвастаться настолько высокими доходами, чтобы повысить благосостояніе рабочих и не обидѣть предпринимателей с одной стороны и своих жадных до высоких окладов чиновников —управляющих, надсмотрщиков, конторщиков и пр. и пр. с другой стороны.

Не трудно догадаться, почему сторонники господскаго соціализма высказываются за національзацію нѣкоторых предпріятій. Дѣло в том, что они стремятся не к соціалистическому строю общества, а к государственному капитализму. Они стремятся к тому, чтобы всѣ средства принадлежали государству-собственнику; этот новый собственник-монополист будет имѣть, конечно, наемных рабочих. Доходы от предпріятій будут распредѣляться не равномѣрно и в частности правители-чиновники и представители интеллигентских профессій будут получать больше рабочих физическаго труда. При подмѣнѣ соціализма государственным капитализмом, національзація промышленных предпріятій является как бы частью общей программы соціалистическаго переустройства. Но мы знаем, что строй государственнаго капитализма так же вреден для интересов рабочаго класса, как и строй капиталистическій.

Понятно, что національзація предпріятій в настоящее время, увеличивая число чиновников (всѣ высшіе служащіе и надсмотрщики превращаются в послѣдних), усиливает государство. Это болѣе, чѣм опасно. „Государство,—говорит Ж. Сорель по поводу національзаціи средств сообщенія,—подлежит не усовершенствованію, а упраздненію... Это плохой пріем—начинать с укрѣпленія того, что хочешь разрушить. И содѣйствовать стремленію государства захватить в свои руки средства сообщенія, это значило бы усилить его силу сопротивленія. „Когда государство становится, — говорит Г. Лагардель, — на мѣсто частнаго капиталиста, это не значит еще, что соціалистическій идеал близок к осуществленію. Совсѣм наоборот. Политическое рабство, в котором государство держит своих чиновников, некомпетентность и безотвѣтственность, царящія в его администраціи, дѣлают из новѣйшаго государства антитезу (противоположность) соціализма".

Русское правительство, національзировав желѣзныя дороги, выдѣлку и продажу алкоголя, отнюдь не попало в просак и прекрасно понимало, что от національзированія этих отраслей народнаго хозяйства до соціализма отнюдь не ближе, чѣм от фабрик предпринимателей. Этой простой истины не понимали, как кажется, швейцарскіе соціал-демократы.

Смѣшеніе соціализма с національзаціей, т. е. с государственным капитализмом, представляет собою опасность не только для настоящаго времени. Оно опасно и тѣм, что будущій строй отождествляется партійными соціалистами со строем всего-государственнаго капитализма.

„Почтовое или желѣзнодорожное дѣло в руках нынѣшняго государства, управляемого министрами, назначаемыми Палатой,—пишет П. А. Кропоткин,—не является идеалом, котораго мы добиваемся. Мы видим здѣсь только новую форму хозяйничества и эксплуатаціи. Мы не вѣрим даже, что это шаг к уничтоженію рабства и эксплуатаціи или что это — переходная форма эволюціи к этой цѣли". В захватѣ буржуазным государством общественнаго богатства мы видим одно из величайших препятствій к тому, чтобы соціальное богатство перешло когда-нибудь в руки работников, производителей и потребителей. Мы видим в этом средство усилить капиталиста, увеличить его силы в борьбѣ против возмущающагося рабочаго. Например, их капиталы, вложенные в желѣзныя дороги будут в большей безопасности, когда дороги являются собственностью государства, эксплуатирующего военным образом государством".

Всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются против монополіи, относятся и к національзированным предпріятіям.

Монополисты, как общее правило, плохо ведут дѣло производства и вполнѣ доказано, что государство, поскольку дѣло идет об интересах потребителей,—самый плохой из возможных предпринимателей. Рутина (навык, усвоенная привычка), недостаток иниціативы, полное пренебреженіе ко вкусам, желаніям и нуждам потребителей об'ясняются в данном случаѣ не только тѣм, что государство является монополистом, но и тѣм, что властные заправилы государственнаго производства легко дѣлаются самонадѣянными, несговорчивыми, не признающими критики. Государство-предприниматель прямо-таки убѣждено, что не оно существует для потребителей, а потребители—для него.

Даже во Франціи плохо и рутинно ведутся не только такія національзированныя производства, как табачное и спичечное, но даже и почтово-телеграфное дѣло.

В исключительном положеніи находится лѣсное хозяйство. Здѣсь государство считается лучшим предпринимателем, чѣм отдѣльные капиталисты. Но это не потому, что его служащіе обладают особенными способностями к веденію лѣсного хозяйства, а потому, что капиталисты—собственники лѣсов—уничтожают их, не считаясь с интересами всего класса капиталистов. В этом случаѣ національзація лѣсного дѣла играет роль самозащиты буржуазіи от опасных для него хищнических инстинктов отдѣльных предпринимателей.

В общем же, завѣдующіе государственными предпріятіями чиновники не умѣют вести дѣла также так, как их ведут нанимаемые предпринимателем представители умственнаго труда. Эти чиновники чувствуют за собою спокойную жизнь, обезпеченное жалованье, и ведут дѣло с фантастической небрежностью: они не рискуют потерять мѣсто, как рискует служитель капиталиста, очень заботящагося о своей прибыли.

[illegible]

Всероссійскій С'ѣзд Анархистов

состоится 15-го января.

Спѣшите с выбором ДЕЛЕГАТОВ. Присылайте ДОКЛАДЫ.

только стали сами у Власти, так и забыли про свои обѣщанія.

Какая разница между манифестаціей 18-го іюня, при правленіи Бонапарта—Керенскаго и манифестаціей послѣдней при большевиках. Вернулись мы в теплыя квартиры? Нѣт, мы вернулись в тѣ же клоповники, из которых вышли на манифестацію.

Товарищи! не ждите ни от кого освобожденія от нищеты. Ни кто вам его не даст. Ни Бог, ни Учредительное Собраніе, ни большевики,—ибо всякое освобожденіе, есть дѣло самих рабочих и крестьян.

Берите сами и устраивайте свою жизнь, захватывайте дома в свои руки, уничтожайте проклятых торговцев — паразитов, устраивайте кооперативы, создавайте свою гвардію—труда, становитесь сами под черное знамя, знамя борьбы и труда!

Об'являйте Петроград — вольным городом!

Да здравствует свобода, равенство и братство!

Да здравствует Анархія—мать свободы и порядка!

Долой всякую власть!

Долой власть Учредительнаго Собранія, ибо это говорильня будет мѣшать нашей созидательной работѣ!

Солдат **Громов.**

Кто они?

Стоит только взять какую-нибудь из газет буржуазнаго лагеря, как с ея столбцов польется цѣлое море самых грязных помоев, таких грязных, каких сущая грязная свинья из самаго грязнаго квартала не видѣла с самаго начала существованія нашей планеты.

Но кто же это так надрывается, не жалѣя ни своих сил, ни умѣнья? Кому это так безпримѣрно дороги карманы капиталистов и их благополучіе?

Иногда можно подумать, что это Рябушинскіе, Рубинштейны и вообще всѣ русскіе Рокфеллеры сидят по ночам в тиши своих роскошных кабинетов и пишут статьи на двѣсти столбцов в час.

Но кто думает так, тот заблуждается.

Хотя несомнѣнно, что Рокфеллеры и полу-Рокфеллеры не только русскіе, но и всѣх стран, очень сильно заботятся о своем достояніи и благополучіи, но обливать добрых людей помоями это для них лично слишком... грязно. К черной работѣ они, как извѣстно, не привыкли. Да и нѣт у них времени, ибо на землѣ так много наслажденій, а дни жизни так коротки!

Да и зачѣм им самим тратить свое драгоцѣнное время на непроизводительный труд, когда их двор может охранять собака, квартиру —крѣпкій замок и дюжина лакеев, а их блаженную жизнь—газетные и иные... писатели.

И вот, эти „писатели" в пышном каскадѣ трескучих, блестящих яркими фейерверком фраз, на всевозможные мотивы громят и рабочих, что покушаются на цѣлость Капитала, и большевиков, обвиняя их в демагогіи, и анархистов, потрясающих основы капиталистическаго строя. Громят, угрожая гибелью міра и пытками ада всему человѣчеству (кромѣ самих себя и их протеже-капиталистов, конечно).

То они горько плачут о „добром старом времени", когда в людях был „стыд и страх Божій" и уваженіе к законам и порядкам, когда рабочій люд видѣл в капиталистах „кормильцев", „благодѣтелей" и „отцов родных".

То, вдруг, злобной вьюгой накинутся на „хамов" и в своих трескучих статьях и в каррикатурных картинках, — высмѣивают их жестоко и зло.

Кто они,—эти „добрые геніи" буржуазно - капиталистическаго міра? Люди-ли это, поставившіе своей цѣлью и своим идеалом защищать зло от справедливости,—защищать власть и наслажденія одних за счет униженія и прозябанія в мракѣ невѣжества и нищеты других? Или это добровольные рабы, распинающіеся в диком экстазѣ за сладкій кусок с барскаго стола?

Кто-бы они ни были,—они достойны самаго глубокаго сожалѣнія. Кто бы они ни были,—их дикій, злобный вой вызывает на устах горькую усмѣшку презрѣнія и в сердцѣ — горечь омерзѣнія. Кто-бы они ни были, они представляют из себя самую жалкую каррикатуру.

В сердцѣ самаго жалкаго, забитаго раба тлѣет искра человѣческаго достоинства и возмущенія против насилія, чинимаго над ним его господином.

Точно также, каждый рабовладѣлец видит в своем рабѣ своего врага.

Подневольный забитый раб в своем господинѣ вызывает не одно только чувство презрѣнія,—но и чувство страха.

Добровольный-же раб — писака даже в душѣ платящаго ему господина вызывает только чувство презрѣнія и гадливости.

Пусть-же эти низкіе рабы, вполнѣ достойные своих подлых господ, хватают, пока еще есть время, сладкій кусок с господскаго стола,—кусок, пропитанный потом и кровью рабочаго люда. Но пусть боятся они того уже близкаго дня, когда этот кусок встанет поперек их горла и поперек горла их господ.

М. А. Андрюнин.

К об'единенію!

Товарищи!

Никольск-Уссурійскій Свободный Союз Революціонных Анархистов-Коммунистов, шлет вам товарищескій привѣт. А также желает войти в соглашеніе с Петроградской федераціей анархических групп, в цѣлях совмѣстной продуктивной работы.

Приносим искреннюю благодарность вашему издательству газеты „Буревѣстник" за присланные номера газеты „Буревѣстник", №№ 1-9, „Свободная Коммуна, №№ 1-2, „Коммуна" №№ 3-6, „Вольный Кронштадт" №№ 1-3 за 1917 год.

Какой широкій горизонт доброй мысли и правды открыт на страницах уважаемых газет „Буревѣстник", „Свободная Коммуна", „Коммуна". И мы привѣтствуем с радостью этот новый разсадник свободной мысли.

С большою охотою слушали меня товарищи, когда я читал газеты: „Буревѣстник", „Свободная Коммуна", „Коммуна", „Вольный Кронштадт".

Товарищи! Мы, анархисты, составляем самую крайнюю лѣвую партію и состоим в меньшинствѣ по отношенію к другим соціалистическим партіям-организаціям, и успѣх наш теперь зависит от нашей сплоченности и организованности.

Мы, анархисты, боремся за полную свободу, хлѣб и волю, всегда уважаем мнѣнія других, мы чужды сковывающих програмныя организацій, но мы вас призываем к единой совмѣстной работѣ, к той работѣ, которая бы по силѣ возможности проводилась по извѣстному плану и обусловливалась бы единством нашей мысли и наших дѣйствій. Мы говорим не о строгой централизованной организаціи, а о том взаимном соприкосновеніи, которое могло бы служить связывающим звеном между нашими Свободными Союзами. Помните, товарищи,—сила в организаціонности, в единствѣ мысли, единствѣ дѣйствій и мы призываем вас к этому.

Свободный Союз Анархистов-Коммунистов „Хлѣб и Воля", Никольск-Уссурійск.

Секретарь: Григорій Почепин.

Свободное искусство.

К свѣдѣнію товарищей стремящихся к искусству.

Для товарищей рабочих, занятых другим трудом, но стремящихся работать по искусству, в данном случаѣ **живописному**, есть возможность об'единиться и работать совмѣстно.

Цѣль такой **„Об'единенной мастерской"**—знаніе, развитіе.

Между разновидными индивидуальностями работающих лозунг „равенство братство, свобода" может быть осуществлен примѣненіем правила: **твори сам то, что хочешь, но и другому не мѣшай стремиться к той же цѣли ему свойственным путем"**. Каждый может обратиться за руководством к тому, с кѣм у него как бы сходство, и выбрать тот метод изученія, который опредѣляется в данное время его личными склонностями, свойствами.

Мастерская должна быть „открыта" или „закрыта" только присутствіем или отсутствіем в ней работающих, как днем, так и вечером, в праздники и будни, зиму и лѣто.

Товарищи, желающіе „об'единиться" для свободной работы в народной мастерской, запишитесь в Редакціи „Буревѣстника".

Н. К.

Резолюція

Тесовскаго Крест. Военно-Революціоннаго Комитета.

„Мы, крестьяне-воины Новгородской губ. и уѣзда, обсудив вопрос на общем собраніи по организаціи вышеозначеннаго Комитета в борьбѣ с контр-революціонными организаціями, существующими среди нашего темнаго населенія и пустившими глубокіе корни в темную крестьянскую массу, постановили:

Просить Петроградскій Агитаціонный Комитет выслать нам в вышеозначенную волость агитаторов всѣх соціалистических теченій, в том числѣ и анархистов, **исключая агитаторов Партіи Народной Свободы"**.

Сія резоція для ходатайства ввѣряется ротному командиру своднаго отряда балтійских моряков, Федору Петрову, что и удостовѣряем подписью представителей собранія и печатью Комитета.

Предсѣдатель **В. Абрамов.**

Секретарь **М. Емельянов.**

Тов. предсѣдателя **Ив. Романов.**

К свѣдѣнію товарищей.

Наши товарищи могут найти пристанище **в Клубѣ Тесовских Анархистов-Коммунистов.**

Максим.

Письмо в редакцію.

Дорогіе товарищи!

Мнѣ пришлось присутствовать на общем собраніи тесовскаго Кр. Военно-Революц. Комитета. Из всѣх преній нетрудно было вынести, что крестьяне утратили вѣру во всѣ политическія партіи, сулившія, каждая по своему „свободу, равенство и братство". Большевики пока идут по пути реформ в пользу народа, имѣется много сочувствующих им, но подчас и им уже не довѣряют. Кадеты единодушно были признаны врагами крестьянства, остальныя партіи для крестьян пустой звук. Но как ни печально душевное состояніе крестьян ищущих, но немогущих найти „правду", все же у них есть увѣренность, что гдѣ-то есть на свѣтѣ эта „правда" и есть надежда сыскать ее.

Собраніем рѣшено просить к себѣ агитаторов всѣх политических партій для того, чтобы выслушав их, можно было найти истинных Рюриков, Синеусов и Труворов, которые могли бы у них устроить порядки. Не позабыли призвать и анархистов. Я смѣю надѣяться, что ученіе Анархизма привлекло бы вниманіе многих из здѣшних крестьян, нашлось бы много сторонников этого ученія, если бы нашелся хорошій оратор—анархист, который рѣшился бы пріѣхать в наше злополучное Тесово для агитаціи.

Здѣсь очень и очень много безпартійных, а быть безпартійным — значит быть наполовину анархистом.

Слухач.

К свѣдѣнію товарищей-лекторов.

Мною организовывается **раз'ѣзжая группа лекторов** по южному раіону. В число лекторов входят товарищи разных теченій, ибо **мы инициаторы группы, поставили цѣлью об'ективно познакомить всеоб'емлюще с Анархизмом и с различными теченіями, существующими в нашей теоріи.** Необходимость диктовалась с мѣст, из которых раздавались требованія.

Инціативу берет на себя **Кіев.** Каждый из лекторов, который может удѣлить время, **должен сообщить, когда и на какое время он может сдѣлать турнэ, дать наименованіе лекціям и конспект по этим лекціям.**

Я обращаюсь к тѣм товарищам, которые стремятся, что, нибудь сдѣлать, а не только сидѣть в центрѣ, сообщить мнѣ свои адреса и тогда о дальнѣйшем я постараюсь сообщить, по адресу: Кіев, М.-Житомирская 19, кв. 1. Арсентьеву.

Арсентьев.

Вѣсти из провинціи.

ПРІИСК ЛУГІЯ, ЗАБАЙК. ОБЛ.

Среди пріисковых рабочих.

Подрядчик Лугіинскаго пріиска (Газимурскаго района, Газимуро-Борзинских государственных золото промыслов) Исаков, окончив выполненіе своего контракта осенью текущаго года, прекратил работы. Рабочіе пріиска, оставшись без работы, сорганизовались в артели и производят самостоятельно золотыя работы. Все бы хорошо, да только у рабочих нѣт продовольствія. Ближайшее селеніе в 28 верстах, да и там не так легко что-либо достать. Рабочіе обратились к Исакову с просьбой отпускать им за деньги из амбара продов. припасы, но Исаков отказал. А между тѣм по достаточной вѣдомости на 26 ноября у Исакова имѣется 440 пуд. ржаной муки, 252 пуд. крупчатки, 16 пуд. мыла, 34¼ выдѣланных кож и т. п. Рабочіе, через свой союз, обратились к Областному Продовольственному Комитету с просьбой о реквизиціи запасов продовольствія и припасов у Исакова и выдачи рабочим этих припасов за наличныя и по мѣрѣ надобности.

ХРОНИКА.

Еще капиталы Керенскаго!

Сов. Народ. Комиссаров постановил конфисковать находящіеся в банках на текущих счетах А. Ф. Керенскаго суммы в размѣрѣ 1.174.734 руб. 62 коп., из коих 1.057.714 руб. находятся в Государственном банкѣ, остальныя—в Международном Коммерческом банкѣ. Деньги эти переводятся на текущій счет Совѣта Народных Комиссаров. Совѣт Народных Комиссаров просит всѣх знающих об источникѣ этих сумм и их назначеніи сообщить об этом подробно в Смольный.

Привѣтствіе.

Дорогіе товарищи!

Привѣтствую вас, как истинных борцов, вступивших на правильный путь борьбы с врагами народа.

Солдат 9-го револ. батальона, 2-ой роты.

Карпук.

ОЧЕНЬ ВАЖНО!

Прошу знающих адрес товарища ГИСИ БЛЕКМАН, из Филадельфіи, сообщить по адресу „Буревѣстника", ДЛЯ ПОЛЕВОГО. Очень важно.

В. О. ГРУППА АНАРХИСТОВ устраивает общее собраніе 11-го января в 6 час. вечера. Просит всѣх товарищей-анархистов и сочувствующих быть на собраніи, ввиду неотложных вопросов.

Адрес Клуба: В. О., 12 линія, д. № 63.

В. О. ГРУППА АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ обращается к товарищам анархистам и членам Клуба, а также к сочувствующим с приглашеніем посѣщать собранія, а также принять активное участіе в работѣ, как технической, так и политической.

Адрес Клуба: В. О., 12 линія, д. № 63.

Редакціонная коллегія:

Б. Верхоустинскій

Александр Ге.

А. Карелин.

Н. Солнцев.

Адреса Клубов и Отдѣленій газеты „Буревѣстник", органа Петроградской федераціи анархических групп.

Район Стекляннаго Городка. Шлиссельбургскій пр., 46.
Лиговскій р. Лиговка, 56, кв. 10.
Нарвскій р. Револ. Штаб Красной Гвардіи, Гостинница „Бристоль", комната № 5, П. Шмырев.
Выборгскій р. Большой Сампсоніевскій пр., д. 52. Угол Тимофеевской и Безбородкинскаго, вход с Тимофеевской.
Московскій р. Забалканскій, 126.
Петергофскій р. Петергофское шоссе. д. 58.
В.-Островскій р. 12 лин., д. 63. Большой пр., д. 87.
Петроградскій р. Малый пр., д. 75, угол Плуталовой, помѣщ. бывш. чайной.
Колпино. Полукруглый пруд, д. 22, кв. 7.
Кронштадт. Большая Екатерининская ул., 2-й офицерскій флигель.
Сестрорѣцк. Крестовская набер. у водопада.

Склад издательства „Буревѣстник"

	Р.	Коп.
МОСТ. З. Религіозная язва	—	20
ЖАН ГРАВ. Умирающее Общество и Анархія	2	25
„ „ Осуществим ли анархическій идеал.	—	20
Правда без прикрас	2	25
П. КРОПОТКИН. Хлѣб и Воля	—	30
„ Коммунизм и Анархія	—	10
„ Новый интернаціонал	—	65
„ Государство и его историческая роль		
„ Анархія и ея мѣсто в соціалистической эволюціи	—	25
„ Нравственныя начала анархизма	—	65
„ Безначальный Коммунизм и экспропріація	—	30
„ Великая революція	—	30
„ Политическія права	—	10
ЭНРИКО МАЛАТЕСТА. Крестьянскія рѣчи. П. Кропоткин	—	60
Всѣ соціалисты	—	70
ЭНРИКО МАЛАТЕСТА. Краткая система Анархизма	—	15
АРТУР АРНУ. Мертвец коммуны	—	20
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ. Анархія и церковь	—	40
ЛОЗИНСКІЙ. Марата	—	25
Б. НЕДРОЖИН. Контр-революція	3	—
ЭРНЕСТ РЕНАН. Жизнь Іисуса	2	—
ДАВ. ШТРАУС. Мифическая исторія Іисуса	—	20
А. КАРЕЛИН. Чикагскіе мученики	—	25
П. А. Учредительное Собраніе или Соціальная революція	—	10
ГОРДИН. Рѣчи анархиста	—	25
„ Долой анархію	—	20
ГАЗЕТА „Буревѣстник" № 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10 по	—	15
„ Вольный Кроншт. (вых. еженед.) № 1. 2. 3 по	—	15
„ Свободная Коммуна (вых. ежен.) № 1 и 2 по	—	25
ЖУРН. ЕЖЕМѢСЯЧН. Свобода Внутри Нас	—	30
„ „ Коммуна № 4, и 5	—	20
„ „ „ № 6	—	25
„ „ Безначаліе № 1	—	15
ГАЗЕТА. Анархія № 3, 4, 5, 6, 7 по		

Доводим до свѣдѣнія товарищей,

что вышел 1 и 2 № журнала

„ТРУДЪ и ВОЛЯ".

Орган пропаганды анархо-коммунистических идей.

Под редакціей **А. Карелина.**

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Николаевская улица, дом 26, в редакціи „Буревѣстника".